

Александр Храмов

ОБЕЗЬЯНА И АДАМ

Может ли христианин
быть эволюционистом?

Творение через эволюцию: в чем проблема?

Какое отношение Адам и Ева имеют к австралопитекам?

Существовал ли райский сад на земле?

Александр Храмов

**Обезьяна и Адам.
Может ли христианин
быть эволюционистом?**

«Никея»

2019

УДК 213
ББК 86.372

Храмов А. В.

Обезьяна и Адам. Может ли христианин быть эволюционистом? /
А. В. Храмов — «Никея», 2019

ISBN 978-5-91761-902-6

Библейский рассказ о сотворении мира на первый взгляд противоречит научным представлениям об истории Земли и жизни на ней. Попытки «подружить» Библию и теорию эволюции предпринимались не раз, однако нельзя сказать, что они были успешны. Возможно ли совместить веру и науку без ущерба для той и другой? Палеонтолог Александр Храмов предлагает неожиданный подход к разрешению этой мировоззренческой проблемы. Почему в Библии не упоминаются динозавры? Корректно ли говорить, что Бог создал мир путем эволюции? Имеют ли отношение Адам и Ева к австралопитекам и неандертальцам? Смогут ли археологи найти следы райского сада? На эти и многие другие вопросы автор дает необычные и очень обнадеживающие ответы. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 213
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-902-6

© Храмов А. В., 2019
© Никея, 2019

Содержание

Об этой книге	6
Предисловие	8
1. Две книги	11
2. Почему Библия?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Валерьевич Храмов
Обезьяна и Адам. Может ли
христианин быть эволюционистом?

© ООО ТД «Никея», 2019

© Храмов А.В., 2019

Об этой книге

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ,

доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией Зоологического института РАН:

Эта небольшая по объему книга обращена к одной из наиболее сложных проблем человеческого бытия. Как совместить в сознании величественную картину сотворения, «Шестоднев» Ветхого Завета и полный трагизма окружающий нас мир? Автор владеет не только живым и образным языком, но и профессиональным знанием. Он биолог-палеонтолог, то есть ученый, перед которым открыта летопись ушедших эпох. С научной методичностью раскрывает он перед нами главную тему повествования. Читатель станет соучастником драматической полемике мнений святых отцов Восточной Церкви и рационализирующих богословов и мыслителей Запада. Интрига текста держит в напряжении: что же можно противопоставить высокомерию рационализма и одержимости фундаментализма, теистическому эволюционизму и креационизму? Автор предлагает ответ, который может быть услышан теми, чья мысль открыта к диалогу и пониманию: истина дается нам «по силе нашего жития».

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ-МИТРИЧ,

журналист, предприниматель, генеральный продюсер Лаборатории «Однажды»:

Отец Браун в одном из детективов Честертона разоблачил преступника, выдающего себя за священника. Когда тот спросил, как именно это удалось, отец Браун ответил: «Вы напали на разум. Это дурное богословие».

Книга Александра Храмова поражает именно тем, что в вопросах веры опирается на железную логику, которая есть атрибут Бога. В результате все встает на свои места: библейская версия сотворения мира не противоречит науке, как это утверждает вульгаризированный дарвинизм, поверить в который можно, лишь игнорируя всю его нелепость усилием веры. Здесь есть даже элемент юмора, который помогает читать эту книгу, постигая сложные и важные вещи без лишнего пафоса.

МИХАИЛ СКВОРЦОВ,

доктор физико-математических наук, профессор Сколковского института науки и технологии:

Мы живем в эпоху торжества «научного мировоззрения». Современный человек, размышляя о Боге и мире, делает это, естественно, в образах современной науки. Приходя в Церковь, такой человек начинает подгонять библейское повествование о творении мира под теорию Большого взрыва, естественный отбор и другие концепции современного естествознания. Он требует, чтобы и Церковь читала книгу жизни, исходя из нашего эмпирического состояния, потому что «наука доказала».

Александр Храмов в своей книге показывает, что Церковь всегда смотрела на мир в иной перспективе: для нее весь видимый космос, хоть и несущий отблеск Премудрости Божией, – это мир, кардинально искаженный грехом прародителей. Как Адам после падения попытался скрыться от Бога, так и бытие, по мысли автора, «пошло навстречу его желанию, скрыв все явные следы присутствия Божьего». А раз так, то изучение видимого мира может лишь подвести к понятию о Боге. Раскрывается же Он через веру – в Христа, изымающего нас из этого мира тления и распада.

ПРОТОИЕРЕИ ОЛЕГ МУМРИКОВ,

доцент кафедр богословия и библеистики Московской духовной академии:

Вопрос о разном состоянии бытия мира и человека до грехопадения прародителей и после него – один из ключевых в естественно-научной апологетике. Не случайно это учение отражено как *consensus patrum* – в согласии, единомыслии святых отцов и учителей Церкви.

Многие современные авторы, пытаясь соотнести первые главы Книги Бытия с научными данными, к сожалению, забывают об этом, другие, напротив, используют библейские тексты и святоотеческие цитаты как аргумент для отрицания объективных научных фактов.

Александр Храмов, творчески обобщая идеи ряда богословов, предлагает иной подход к проблеме: его модель, сохраняя традиционный взгляд Церкви на творение, не отвергает и современную научную картину, реконструирующую историю Вселенной как эволюционный процесс.

Хотя с рядом утверждений автора можно и поспорить, его книга, безусловно, открывает весьма интересную перспективу для диалога богословия и естествознания, для дискуссий и глубоких размышлений.

Предисловие

Как гласит знаменитый афоризм русско-американского генетика Феодосия Добржанского, ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции. Поэтому, получая образование на биофаке МГУ и в то же время являясь человеком верующим, я не мог не задумываться о том, как современная эволюционная наука стыкуется с христианским мировоззрением. После первого курса на студенческой практике на Беломорской биостанции МГУ в перерывах между сбором лишайников и зарисовкой разнообразных морских рачков я читал «Шестоднев» св. Василия Великого. После второго курса, уже на Звенигородской биостанции, отрываясь от вскрытия полевок и учета зябликов и прочих пернатых, я погрузился в трактат «Об устройении человека» св. Григория Нисского.

Но описываемый святыми отцами мир, сотворенный Богом за шесть дней – такой совершенный, гармоничный и целесообразный, – не очень-то похож на мир эволюции, полный хаоса и боли. Да и сложно поверить, что вердикт, произнесенный Богом в конце шестого дня творения – «и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1: 31), – относится ко всем этим стихийным бедствиям, эпидемиям, летальным мутациям, которые составляют темную сторону эволюционного процесса. «В природе всемогущий Бог предстает нам, фигурально выражаясь, в качестве Того, Кто разгневан на нас»¹, – отмечал кардинал Джон Ньюмен. Библия же рассказывает нам о Боге, который «произвел твари из небытия в бытие... чтобы они, причащаясь Его блаженства, наслаждались, Сам же Он веселился о делах Своих, видя их веселящимися»² (св. Максим Исповедник).

Как соотносятся эти две разные перспективы? Как примирить представление о любящем Боге-Творце с тем, что говорит современная наука об эволюционном происхождении человека и прочих живых существ в результате многовековой беспощадной борьбы за существование? Как непротиворечивым образом совместить два набора утверждений, лежащих в основе христианского и естественно-научного мировоззрения? Я не поднимаю вопроса об истинности первого или второго из них. Читатель не найдет здесь разбора аргументов ни «научных креационистов», пытающихся поставить под сомнение факт эволюции, ни «научных атеистов», критикующих христианство с позиций эволюционного натурализма.

Поиск компромисса между светским знанием и религиозной истиной всегда занимал важное место в христианской традиции. В IV–V веках, когда христианство из гонимой секты превратилось в государственную религию, отцы Церкви не отвергли достижения античного естествознания, а сделали их частью своего культурного багажа. Проповеди св. Василия Великого, легшие в основу «Шестоднева», напоминали научно-популярные лекции, настолько они были переполнены выдержками из Аристотеля, Плиния Старшего и других тогдашних научных авторитетов. В Библии нет ни слова о четырех стихиях или о вращении небесных сфер, однако отцы Церкви не побоялись осмыслить все эти античные учения с христианской точки зрения.

«Нередко бывает, что и не христианин немало знает о земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, о величине и удаленности звезд, о затмениях солнца и луны, о круговращении годов и времен, о природе животных, растений, камней и тому подобном, притом знает так, что может защитить эти знания и очевиднейшими доводами, и жизненным опытом. Между тем бывает крайне стыдно, опасно и даже губительно, когда какой-нибудь неверный едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах якобы на основании христианских писаний, несет такой вздор, что, как говорится, попадает

---

¹ Цит. по: *Vilbig R. John Henry Newman's View of the "Darwin Theory" // Newman Studies Journal. 2011. Vol. 8. P. 52–61.*

² *Максим Исповедник, св. Четыре сотни глав о любви // Добротолюбие. М.: АСТ, 2001. С. 307.*

пальцем в небо. И не то плохо, что осмеивается заблуждающийся, а то, что в глазах людей, о спасении души которых мы неустанно заботимся, наши писатели выглядят столь же невежественными и потому ими презираются»³.

Эти слова блаженного Августина приходят на ум, когда сталкиваешься с современными креационистами, утверждающими, что возраст Земли составляет шесть тысяч лет, все виды животных и растений появились за два-три астрономических дня, а вся масса осадочных толщ возникла в ходе Всемирного потопа. Воинствующий креационизм – это феномен недавнего времени. Он зародился в США в 1920-е среди сектантов-адвентистов и расцвел в 1960-е годы в кругах баптистов и других протестантских фундаменталистов, которые руководствуются принципом «только Писание» (*sola scriptura*), отбрасывая и научное знание, и церковную традицию. Но такая враждебность к науке не прижилась ни в православном, ни в католическом богословии. Традиционное христианство последовало примеру отцов Церкви и предпочло так или иначе интегрировать достижения современной науки в христианскую картину мира.

Самым популярным вариантом примирения науки и веры среди западных богословов и ученых стал так называемый теистический эволюционизм. Генетик Добржанский, будучи глубоко религиозным человеком, сформулировал этот компромисс так: «творение осуществляется в этом мире с помощью эволюции»⁴. Бог воспользовался эволюционным процессом для сотворения живых существ и всего материального мира, в котором они живут. Что может быть проще? И все же эта концепция всегда вызывала у меня какое-то внутреннее недоумение. В любой святоотеческой книге так много говорится о грехопадении человека, из-за которого в мир вошла смерть, – но если Бог создал человека путем эволюции, то человек был смертным с первых же дней своей жизни. К тому же в мире, изучаемом наукой, никакого места для рая не предусмотрено. Должны ли мы на этом основании отбросить библейское свидетельство как устаревший миф?

Как представляется, принимать теорию эволюции, не поступаясь при этом основополагающими принципами христианской веры, все же возможно. Но для этого необходимо вспомнить о том, что говорили святые отцы Востока по поводу радикального несоответствия между нынешним миром и изначальным творением. «Чрез тело Адама, первого человека, смерть разрушила весь мир»⁵ (св. Макарий Великий). Нельзя забывать и об ограниченности человеческого познания – философия учит нас, что чувственные явления, изучаемые наукой, не исчерпывают собой всей полноты реальности. Эволюция, с которой имеет дело наука, с православной точки зрения происходит в мире, разрушенном грехом, а с философской точки зрения – на небольшом доступном нам островке в огромном океане непознаваемого.

Что находится за пределами этого островка, за пределами этого видимого космоса, который, по словам пророка, «исчезнет, как дым» и «обветшает, как одежда» (Ис. 51: 6)? Должны ли мы вслед за теистическими эволюционистами приравнивать библейский рассказ об Адаме и Еве к представлениям об австралопитеках и неандертальцах? И не может ли оказаться, что Библия и наука попросту повествуют о двух разных вещах, не противореча друг другу, но и не нуждаясь в прямолинейном согласовании?

Именно этот альтернативный подход к примирению веры и науки, в основу которого легло святоотеческое наследие православного Востока, я и постараюсь донести до читателя. Нельзя сказать, что я был первым, кому он пришел в голову. Как мы увидим, этот подход разделяли некоторые выдающиеся богословы и религиозные философы XX века⁶. Тем не менее

---

³ *Августин*. О Книге Бытия [буквально] // Творения. Т. II. СПб.: Алетейя, 2000. С. 335–336.

⁴ *Dobzhansky T.* Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution // *The American Biology Teacher*. 1973. Vol. 35. P. 125–129.

⁵ Цит. по: *Петров В.В.* Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 155.

⁶ Схожие идеи высказываются некоторыми православными авторами и в наши дни: *Захаров М., прот.* Христианство и

мало кто из верующих догадывается о его существовании. Большинство до сих пор полагает, что выбор лежит между креационизмом, попирающим науку, и теистическим эволюционизмом, разрушительным для традиционного христианства. Но есть еще третий путь – давайте же испробуем и его.

* * *

Стимулом для написания этой книги послужило участие в проекте «Религия, наука и общество», который проводился под патронажем Общецерковной аспирантуры и докторантуры РПЦ при поддержке Фонда Темплтона в 2013–2015 годах. Статьи об истории осмысления эволюции в христианском богословии, подготовленные мной в рамках данного проекта, были опубликованы в ряде академических журналов⁷. Кроме того, заведующий кафедрой миссиологии ПСТГУ профессор Андрей Борисович Ефимов и доцент кафедры теологии ПСТГУ диакон Николай Серебряков любезно предоставили мне возможность поделиться своими мыслями на этот счет на семинаре «Наука и вера», а также на Рождественских чтениях – 2017 (секция «Фундаментальные науки и Церковь»). Тексты всех этих статей и докладов и были использованы мной при подготовке той книги, которую читатель держит в руках.

наука о происхождении и эволюции Вселенной. М.: Спутник+, 2009; Салтыков А., *прот.*, Серебряков Н.С. К проблеме времени первозданного творения: «кажущийся» возраст // Сборник докладов XIX Кадашевских чтений, 2016. С. 6–14; Серебряков Н.С. Проблема соотнесения библейского повествования о творении мира и человека с научным естествознанием // Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ. Вып. 1. 2011. С. 88–111; Соколов С., *свящ.* Мир Иной и Время Вселенной. Тайна Творения. М.: МАКС Пресс, 2013. Можно также вспомнить о цикле статей В.В. Иваненкова на портале «Богослов.ру».

⁷ Храмов А. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 84–109; *Khramov A. V.* Fitting Evolution into Christian Belief: An Eastern Orthodox Approach // International Journal of Orthodox Theology. 2017. Vol. 8 (1). P. 75–105; Храмов А.В. Обоснованность веры в Бога: эволюционный подход // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 182–200.

1. Две книги

Иудеохристианская цивилизация, из которой вырос современный мир – мир космических кораблей, беспроводной связи и антибиотиков, – насквозь текстоцентрична. Люди Писания с незапамятных времен во всем были склонны видеть текст. Раз Бог даровал Свое откровение в форме книги, должно существовать – полагали они – какое-то приложение к ней, где говорится о звездах, растениях и обо всем остальном, о чем Писание умалчивает. Уже Иосиф Флавий упоминал о двух столбах – каменном и железном, – на которых Сиф, третий сын Адама, записал сведения о движении небесных тел. Среди средневековых еврейских книжников циркулировали трактаты вроде «Сефер Разиэль», которые, как утверждалось, содержали отрывки из книги, дарованной Адаму после изгнания из рая. Считалось, что на ее страницах Бог рассказал нашему прародителю об устройстве природы, но последующие поколения исказили этот текст.

Миф о древней мудрости, восходящей ко временам Адама, вдохновлял и ренессансную мысль, стоящую у истоков современного естествознания. Одни говорили об утраченных книгах Соломона, не вошедших в Библию, но пересказанных греческими авторами. Другие считали, что знания Адама могли сохраниться в составе сочинений египетского мудреца Гермеса Трисмегиста, современника Моисея. Фактически речь шла о «втором откровении», которое, как предполагалось, существует в письменной традиции параллельно с основным сводом книг Священного Писания. Тогдашние натурфилософы занимались не столько изучением природы, сколько поисками этого первоначального всеобъемлющего текста. Точнее, природа и слово в глазах мыслителей Ренессанса сливались в единый текст. В любом ренессансном сочинении по естественной истории вы найдете невообразимую смесь из биологии, этимологии, геральдики, астрологии и фармакологии, уснащенную бесконечными «мнениями древних».

Где-то ближе к середине XVII столетия, как об этом писал Мишель Фуко, слова отделяются от вещей. Растения, минералы и животные превращаются в голые факты, лишённые символической нагрузки. Вместо того чтобы смотреть на природу сквозь призму древних текстов, европейцы обращаются к ней самой. Адамова книга о мире утрачивает актуальность, потому что сам мир становится книгой. Теперь уже безразлично, что о звездах думал Гермес Трисмегист или Платон. Явления природы сами по себе отныне воспринимаются как письма, которыми начертано послание, подлежащее расшифровке. «Мне нравится рассматривать несметное множество миров как множество книг, собрание которых образует огромную библиотеку Вселенной или истинную универсальную энциклопедию»⁸, – отмечал Шарль Бонне, один из величайших натуралистов XVIII века, открывший регенерацию у пресноводной гидры.

Когда на смену гипотетической книге Адама пришла «книга природы», не имеющая прямого отношения к знакам человеческого письма, никто не сомневался, что ее автором тоже является Бог. «Священное Писание и природа равно порождены Богом: первое – как продиктованное Духом Святым, вторая – как послушная исполнительница Господних повелений»⁹, – можно прочесть у Галилео Галилея. «Спаситель наш говорит: „Вы заблуждаетесь, не зная Писания и могущества Бога“. И для того чтобы мы не впали в заблуждение, Он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля Божья, а затем – книгу природы, раскрывающую его»¹⁰, – отмечал английский философ Фрэнсис Бэкон, сформулировавший основы эмпирического научного метода. Но если существует две книги одного автора, то неизбежно встает

---

⁸ Цит. по: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 119.

⁹ Цит. по: Серебряков Н.С. Герменевтическое значение концепции «двух книг» // XXVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 10–15.

¹⁰ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 128.

вопрос – как одна согласуется с другой? Как книга природы (*liber mundi*) соотносится с тем, что написано в книге откровения (*liber revelatus*)?

Книга откровения – особенно если мы говорим о христианском Писании, состоящем из Ветхого и Нового Заветов, – по сути строится вокруг единой сюжетной линии. Сначала Бог творит мир и человека, потом происходит грехопадение, убийство Авеля, потоп. Бог заключает завет с Авраамом, и от него рождается еврейский народ, из среды которого выходит Мессия – Иисус Христос. Апостолы проповедуют веру во Христа по всему миру, тем самым готовя человечество к тому моменту, когда Бог во славе придет судить живых и мертвых. То есть события, изложенные в Писании, развиваются в четкой последовательности от сотворения мира ко Второму Пришествию, от начала к концу, как в классическом историческом романе, пусть «роман» этот и писался многими авторами на протяжении многих веков.

А вот книга природы в эпоху первой научной революции, во времена Галилея и Ньютона, меньше всего походила на историческое повествование. Скорее она напоминала сказку о белом бычке без связного линейного сюжета. Круговращения звезд и планет, подчиненные законам механики, казались от века неизменными. Когда шотландец Джеймс Геттон, считающийся отцом современной геологии, в конце XVIII века стал изучать горные породы, он тоже не нашел в них никакого поступательного развития. Горы возникают и разрушаются, их обломки цементируются в конгломераты, и так по кругу. «Мы не находим ни следов начала, ни признаков конца»¹¹, – можно прочесть у Геттона. Только в XIX столетии изучение окаменелостей впервые заставило увидеть в «книге природы» цельный нарратив (кстати, термин «палеонтологическая летопись» – ну чем не отголосок древней книжной метафоры?). Более примитивные фауны сменяются более продвинутыми: сначала возникают рыбы, потом амфибии и рептилии, потом млекопитающие, и уже под занавес появляется человек. В 1859 году Дарвин низложил эти звенья на единую нить эволюционного процесса.

Тем не менее до 1930-х годов история развития жизни на Земле не рассматривалась как часть глобальной истории Вселенной. Да, на отдельных планетах организмы могут возникать и развиваться от простого к сложному. Но сами планетарные системы то появляются, то гибнут, как мыльные пузыри. Сегодня жизнь существует здесь, завтра метеориты принесут ее зародыши в другой уголок космоса, но по сути ничего не меняется. «Вселенная в сущности всегда была такой же, какой она является сейчас. Материя, энергия и жизнь меняли лишь свою форму и местоположение в пространстве»¹², – писал в 1908 году Сванте Аррениус, нобелевский лауреат по химии.

Только когда в 1929 году американский астроном Эдвин Хаббл открыл космологическое красное смещение¹³, стало понятно, что Вселенная постоянно расширяется и, следовательно, имеет начало. Если галактики продолжают разлетаться в разные стороны (в ближайшие 10 миллиардов лет расстояние между ними удвоится), значит, когда-то все вещество во Вселенной находилось в одной-единственной точке – сингулярности Большого взрыва. Вскоре после него космос представлял собой довольно скучное место, заполненное лишь водородом и гелием. Постепенно при взрывах сверхновых из них синтезировались более тяжелые химические элементы: железо, фосфор, сера – все, без чего не могут обойтись живые существа. Звездная пыль,

---

¹¹ Цит. по: Хэллем Э. Великие геологические споры. М.: Мир, 1985. С. 48.

¹² Arrhenius S. *Worlds in the Making: The Evolution of the Universe*. New York, London: Harper and Brothers Publishers, 1908. P. XIV.

¹³ Красное смещение – это наблюдаемое смещение спектра излучения удаляющегося объекта в длинноволновую область. Хаббл показал, что величина красного смещения далеких космических источников прямо пропорциональна расстоянию до них, то есть чем дальше галактика, тем быстрее она удаляется. Получается, видимая Вселенная не является стационарной, а разбегается с возрастающей скоростью в направлении, противоположном наблюдателю. Кстати, теория расширяющейся Вселенной имеет религиозные корни – впервые ее сформулировал католический священник и математик Жорж Леметр.

обогащенная тяжелыми элементами, рассеивалась во Вселенной, следующее поколение звезд вбирало ее в себя и продолжало синтез. Вселенная как бы готовилась к появлению жизни.

Современная космология дописала недостающие первые главы книги природы, превратив ее в полноценную историческую хронику. Органическая эволюция на нашей планете стала восприниматься как продолжение куда более длительного процесса развития материи. Выстроилась единая цепочка событий, начинающаяся в момент Большого взрыва и заканчивающаяся появлением человека на Земле. То есть к библейской истории, которая открывается словами «в начале Бог сотворил небо и землю», прибавился параллельный нарратив. Как пересекаются эти две истории – одна, записанная древнееврейскими и греческими буквами, и другая, зашифрованная в генетическом коде, окаменелостях и реликтовом излучении?

2. Почему Библия?

В XVI–XVII веках, когда наука только зарождалась, для европейцев на первом месте стояла книга откровения, так что первым естествоиспытателям приходилось оправдываться за повышенное внимание к книге природы. В наши дни дело обстоит противоположным образом. Книга природы – одна на всех, а вот Библия в глазах современного западного человека, замороженного мультикультурализмом, из Книги книг превратилась в один из томов на полке с литературой по религии и мифологии. Вопрос о «согласовании» первых глав Книги Бытия с научными данными, над которым в первой половине XIX века ломали голову чуть ли не все видные английские геологи, вроде Адама Седжвика и Уильяма Баклэнда¹⁴, в глазах современной секулярной общественности выглядит анахронизмом.

К тому же некоторые версии языческой космогонии, кажется, даже более соответствуют современной эволюционной картине мира, чем представления древних евреев о личностном Боге-Творце. Так, согласно учению жрецов египетского города Гермополь, возникновению мира предшествовал бескрайний хаос. В нем плавала восьмерка великих божеств, Огдоада – в них надо видеть скорее не активных творцов-демиургов, а проявления самой первичной материи. Эти божества каким-то образом активируют хаос, и из него вырастает холм с яйцом на вершине. Оттуда вылупляется бог утреннего солнца Хепри, и он-то приступает к творению остального мира. Ну чем не концепция самоорганизации материи? Почему же надо «согласовывать» с наукой именно космогонический миф евреев, а не мифы их соседей – египтян и вавилонян, не говоря уже о всех прочих народах?

Да и сама Библия настолько сильно укоренена в предшествующей мифологической традиции Ближнего Востока, что это дает лишний повод сомневаться в ее исключительности. Как считают современные библеисты, древнейший текстуальный источник, легший в основу Пятикнижия, и в особенности Книги Бытия, так называемый J-документ, где Бог именуется Яхве и наделен антропоморфными чертами, был составлен, самое раннее, во времена Соломона и Давида, в X веке до н. э. Многие ближневосточные сказания относятся к более раннему времени. Например, вавилонская космогоническая поэма «Энума Элиш» датируется второй половиной 2-го тысячелетия до н. э. – предположительно, она была написана в годы царствования Навуходоносора I (1125–1104 до н. э.) или еще раньше. Не говоря уже о более ранних контактах, за время вавилонского плена (598–539 до н. э.) еврейский народ мог немало позаимствовать из мифологии своих поработителей.

Христианские апологеты первых веков, такие как Тертуллиан и Климент Александрийский, часто обвиняли эллинских мудрецов в плагиате по отношению к Моисею, чьи писания, как считалось, превосходили по древности Орфея и Пифагора, но позднее схожие подозрения сгустились уже над самим Пятикнижием. Это произошло в конце XIX века, когда археологи обнаружили в Междуречье древние глиняные таблички с клинописью. После расшифровки стало ясно, что многие ветхозаветные образы имеют параллели в шумерской и аккадской литературе. Самым известным примером такого параллелизма является история о потопе. Как и в библейском повествовании о Ноевом ковчеге, в шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше говорится о благочестивом человеке Утнапишти, который в специально построенном корабле спасся с семьей и зверями от колоссального наводнения, посланного богами, прогневавшимися на род людской.

Но нас больше интересуют первые три главы Книги Бытия. В библейском рассказе о сотворении мира тоже содержится немало реминисценций к ближневосточной мифологии. Например, в Библии процесс творения описывается как разделение неструктурированной пер-

---

¹⁴ По подсчетам историков, только в 1844–1859 гг. было опубликовано не менее 60 книг на эту тему.

вичной массы: «создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт. 1: 6). Такие же образы мы находим и в ближневосточных религиях. Например, в уже упоминавшемся эпосе «Энума Элиш» повествуется о том, как бог Мардук рассекает тело поверженной им праматери Тиамат на небо и землю. В финикийских мифах речь идет о разделении мирового яйца на две половины. В египетской мифологии бог воздуха Ша вырывает небо – Нут – из объятий земли – Геба.

В Библии, как мы помним, говорится о сотворении человека «из праха земного» – но похожим образом действует и бог Эа в «Энума Элиш»: чтобы создать людей, он примешивает к глине кровь убитого Мардуком чудовища Кингу. Египетский бог плодородия Хнум вылепливает людей из глины на гончарном круге. Отсылки к библейскому рассказу о грехопадении также можно найти в мифологии других народов. Как известно, в Библии речь идет о змее, поддавшись искушению которого Адам и Ева лишаются доступа к дереву жизни. Похожие мотивы присутствуют и в легенде о Гильгамеше. Этот герой добывает со дна моря цветок бессмертия и вечной молодости и возвращается с ним домой. Остановившись, чтобы искупаться, Гильгамеш оставляет цветок на берегу – и его утаскивает в нору змея.

На самом деле, нас совершенно не должен шокировать тот факт, что Библия говорит на языке мифологии своего времени. Никого же не смущает, что первое начало термодинамики французский инженер Карно сформулировал на примере паровых машин начала XIX века. Мифологические образы вавилонян были хорошо знакомы евреям – так почему бы Моисею – или тем анонимным «яхвисту» и «элохисту», которым, по мнению библеистов, принадлежит авторство Пятикнижия, – было не воспользоваться этими образами для передачи общего смысла Божественного откровения? Разве библейские авторы должны были оперировать понятиями высшей математики или отвлеченной философии? Но тогда бы Книга Бытия с высокой вероятностью не пережила своих создателей – ее бы просто не поняли и забыли.

Нетрудно заметить, что создатели Библии, используя элементы шумеро-аккадской мифологии, встраивают их в совершенно иной контекст. Для вавилонян процесс создания мира состоит в усмирении хаоса и враждебных сил. Чтобы сотворить небо и землю, Мардук должен сначала победить Тиамат и ее армию чудовищ. Библейский же Бог воздействует на полностью послушную ему материю – рассказ Библии о творении абсолютно бесконфликтен. Библейская бездна (*tehom*), над которой носился Дух Божий (Быт. 1: 2), – это деперсонифицированное вещество, не имеющее ничего общего с первичным океаном, с которым вавилоняне отождествляли Тиамат. В угаритских текстах упоминается о победе богини Анат, жены Ваала, над драконом (*tannim*). Но мифические морские драконы *tanninim* (в синодальном переводе – «рыбы большие», Быт. 1: 21) превращаются в Библии в безобидные творения Божьи. Наконец, Солнце и Луна, которые обожествлялись народами Ближнего Востока, в библейском тексте играют сугубо функциональную роль «светильников» (Быт. 1: 15) для измерения времени.

По сути, в Библии мы находим не столько еще один миф, сколько *антимиф*. Библейское повествование как бы расколдовывает, тривиализует окружающий мир, лишает его той божественной и демонической подосновы, которую ближневосточные религии видели за природными стихиями. «Рассказ о творении представляется нам важнейшим просветительским текстом в истории, прорывом от страхов, угнетавших человека»¹⁵, – совершенно справедливо заметил папа Бенедикт XVI. Одновременно Библия переосмысливает и роль человека. Согласно «Энума Элиш», в людях течет кровь дракона, то есть они являются носителями хтонического, злого начала. Библейский же Бог вдвухает в людей собственное дыхание. Вавилонские боги создают людей, чтобы те приносили им жертвы. Библейский же Бог создает человека ради него самого. В эпосе о Гильгамеше герой лишается бессмертия по чистой случайности,

---

¹⁵ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). В начале сотворил Бог... М.: ББИ, 2009. С. 25.

здесь нет никакого морального измерения. Адам и Ева же осуждены на смерть по собственной вине. Смысл – абсолютно разный, хотя и там и там фигурируют похожие образы.

Но и это кардинальное отличие космогонического мифа евреев от мифов всех прочих народов – только часть ответа на вопрос, почему рядом с книгой природы стоит поставить именно Библию. Еще более важный довод пришел ко мне на ум во время прогулки по Донскому монастырю, который расположен недалеко от моего института. В одну из стен монастыря вмонтированы мраморные барельефы, снятые с Храма Христа Спасителя незадолго перед тем, как его взорвали большевики в 1931 году. На барельефах изображены библейские персонажи – Авраам, Мелхиседек, Мириам, Давид. Если вдуматься – как странно видеть сценки из жизни этого маленького ближневосточного племени в далекой России, среди снега и льда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.